

Весь Иоганн Гете

Стихотворения

Тишина на море

Тихо, мрачно над водою,
Море бурное молчит,
Смотрит кормчий вдаль с тоскою,
Вод равнина всюду спит.
Ветры веять перестали,
Мертвый, страшный вокруг покой,
В беспредельной синей дали
Взор не встретится с волной.

Счастливое плавание

Разносятся тучи,
Туман исчезает,
И ветры могучи
Шумят на водах.
Пловцы веселее!
Торопится кормчий,
Скорее, скорее!
Волной нас качает,
Земля к нам несется,
Уж берег в глазах.

Душа мира

Рассейтесь вы везде под небосклоном,
Святой покинув пир,
Несите жизнь, прорвавшись к дальним зонам,
И наполняйте мир!

Вы божьим сном парите меж звездами,
Где без конца простор,
И средь пространств, усеянных лучами,
Блестит ваш дружный хор.

Несетесь вы, всеильные кометы,
Чтоб в высях потонуть,
И в лабиринт, где солнце и планеты,
Врезается ваш путь,

К бесформенным образованиям льнете,
Играя и творя,
Все сущее в размеренном полете
Навек животворя.

Вы в воздухе подвижном ткете щедро
Изменчивый убор,
И камню вы, в его проникнув недра,
Даете твердость форм.

И рвется все в божественной отваге
Себя перерастаи;

В пылинке — жизнь, и зыбь бесплодной
влаги —

Готова зацвести.

И мчитесь вы, любовью вытесняя
Сырого мрака чад;
В красе разнообразной дали рая
Уж рдеют и горят.

Чтоб видеть свет, уже снует на воле
Всех тварей пестрота;
Вы в восхищенье на счастливом поле,
Как первая чета.

И гасит пламя безграничной жажды
Любви взаимной взгляд.
Пусть жизнь от целого приемлет каждый
И вновь — к нему назад.

1802

Молитва

О мой творец! О боже мой,
Взгляни на грешную меня:
Я мучусь, я больна душой,
Изрыта скорбью грудь моя.
О мой творец! велик мой грех,
Я на земле преступней всех!

Кипела в нем молодая кровь;
Была чиста его любовь;
Но он ее в груди своей
Таил так свято от людей.
Я знала всё... О боже мой,
Прости мне, грешной и больной.

Его я муки поняла;
Улыбкой, взором лишь одним
Я б исцелить его могла,
Но я не сжалилась над ним.
О мой творец, велик мой грех,
Я на земле преступней всех!

Томился долго, долго он,
Печалью тяжелой удручен;
И умер, бедный, наконец...
О боже мой, о мой творец,
Ты тронься грешницы мольбой,
Взгляни, как я больна душой!

1845

Магадэва и баядера

Индийская легенда

В шестой раз, отец творенья,
Магадэва сходят к нам:

Смертных радость и мученье
Да изведает он сам,
Да — как гость земного края —
Сохранит его закон,
И, щадя или карая,
Человеком будет он.
И город, как путник, везде обходил он,
На сильных взирал он, и слабых хранил он,
И вечером дале пускается в путь.
Вот выходит он — и вскоре,
Домы крайние пройдя,
Видит он — с огнем во взоре
Сладострастия дитя.
Он сказал ей: «Здравствуй, дева!»
— «Здравствуй, спутник, подожди!»
— «Кто же ты?» — «Я баядера:
Пред тобою дом любви».
Она ударяет в цимбалы и мчится,
Она так искусно, так страстно кружится,
Огибается, гнется — и кажет цветы.
Речь ее звучит отрадой:
«Милый странник, кончен путь!
Скоро тихою лампадой
Озарится наш приют!
Ты устал — тебя обмою,
Освежу тебя я вновь.
Что ты хочешь? — пред тобою
Отдых, радость и любовь!»
Она услаждает усталость и горе;
Божественный видит, с улыбкой во взоре,

Прекрасное сердце сквозь тяжкий порок.
Он услуг рабы желает:
Новой радостью полна,
Все веленья исполняет
Гостя юного она.
Так природы животворность
Плод выводит из цветка:
Если есть в душе покорность,
То любовь недалека.
Но строже я строже ее испытанья,
И радость, и ужас, и муки страданья
Послал ей постигший и глуби и высь.
Он в чело ее целует, —
И в душе любовь зажглась,
И стоит она тоскует,
Льются слезы в первый раз.
Обняла его колена,
В ней уж нет страстей земли,
И ее молодые члены,
Истомясь, изнемогли.
И вот уж к отрадному празднеству ложа
Соткали, вечерние мраки умножа,
Густую завесу ночные часы.
Поздно отдых к ней приходит;
Рано пробудясь от сна,
На груди своей находит
Мертвым юношу она.
Страшный крик ее не в силе
Жизнь в умершего вдохнуть —
И уж к пламенной могиле

Тело холодное несут.
Она хор жрецов погребальный внимает,
В безумьи бежит и толпу раздвигает.
«Кто ты? И к могиле стремишься зачем?»
Протеснясь в средину круга,
С воплем падает она.
«О, отдайте мне супруга!
Я за ним пришла сюда.
Как! огню ль пожрать, пылая,
Этих членов красоту?
Мой он был, моим звала я,
Ах, но только ночь одну!»
Жрецы вторят гимны: «И старцев согбенных,
Измученных жизнью, годами смиренных,
И пылкую юность к могиле несем.
Вспомни голос нашей веры:
Не был он супруг тебе;
Долга нет для баядеры,
Покорись своей судьбе:
Лишь за телом, провожая,
В царство мертвых тень сойдет,
Лишь супруга, исполняя
Долг, супругу вслед идет.
Гремите, дромметы, священные песни.
Примите, о боги, цвет жизни прелестный,
Примите во пламени юношу к вам!»
Так безжалостно ей муки
Умножает строгий хор,
И она, простерши руки,
В жаркий ринулась костер.

Но из пламенного кругу
Дивный юноша встает
И прелестную подругу
На руках своих несет.
С весельем раскаянье боги приемлют,
Бессмертные падших нередко подъемлют
В объятиях пламенных к светлым звездам.

11 марта 1838

Коринфская невеста

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,—
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их молодые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!

Вся семья давно уж отдыхает,

Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвесьть ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму
Двигается к нему
Странный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой:
Вкруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая, —
Так она со вздохом говорит, —
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!»

«Дева, стой, — воскликнул он, — со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,

Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампы
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о верь,
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять,—
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор доселе хладный
Заблестал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно

С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед холодна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненной силой,
Он ее в объятия заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,

Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть.
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она — сомнений боле нет —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день — но вновь
Нас сведет любовь!»
«Завтра вновь!» — с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»
Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть занавесью окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подымается она.

«Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?»

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят;
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изrekла неслыханный обет!
Чтоб его принять,

В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим,—
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завянуть,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моление,
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

* * *

Радость и горе, волнение дум,

Сладостной мукой встревоженный ум,
Трепет восторга, грусть тяжкая вновь,
Счастлив лишь тот, кем владеет любовь!

* * *

Трещат барабаны, и трубы гремят,
Мой милый в доспехе ведет свой отряд,
Готовится к бою, командует строю,
Как сильно забилось вдруг сердце мое.

Ах, если б мне дали мундир и ружье!
Пошла бы отважно я с другом моим,
По областям шла бы повсюду я с ним,
Врагов отражает уж наша пальба —
О, сколько счастлива мужчины судьба!

Божественное

Прав будь человек,
Милостив и добр:
Тем лишь одним
Отличаем он
От всех существ,
Нам известных.

Слава неизвестным,
Высшим, с нами
Сходным существам!

Его пример нас
Верить им учит.

Безразлична
Природа-мать.
Равно светит солнце
На зло и благо,
И для злодея
Блещут, как для лучшего,
Месяц и звезды.

Ветр и потоки,
Громы и град,
Путь совершая,
С собой мимоходом
Равно уносят
То и другое.

И счастье так,
Скитаясь по миру,
Осенит то мальчика
Невинность кудрявую,
То плешивый
Преступленья череп.

По вечным, медяным,
Великим законам,
Все бытия мы
Должны невольню
Круги свершать.

Человек один
Может невозможное:
Он различает,
Судит и рядит,
Он лишь в минуте
Сообщает вечность.

Смеет лишь он
Добро наградить
И зло покарать
Целить и спасать,
Всё заблудшее, падшее
К пользе сводить.

И мы бессмертным
Творим поклоненье,
Как будто людям,
Как в большем творившим,
Что в малом лучший
Творит или может.

Будь же прав, человек,
Милостив и добр,
Создавай без отдыха
Нужное, правое...
Будь нам их образом
Провидимых нами существ.

Апрель 1845

Покаяние

Боже правый, пред тобой
Ныне грешница с мольбой.
Мне тоска стесняет грудь,
Мне от горя не заснуть.
Нет грешней меня, — но ты,
Боже, взор не отврати!..
Ах, кипела сильно в нем
Молодая кровь огнем!
Ах, любил так чисто он,
Тайной мукой истомлен.
Боже правый, пред тобой
Ныне грешница с мольбой.
Я ту муку поняла,
И безжалостно могла
Равнодушно так молчать
И на взгляд не отвечать.
Нет грешней меня, — но ты,
Боже, взор не отврати!..
Ах, его терзала я,
И погиб он от меня.
Потерялся, бедный, он,
Умер он, похоронен.
Боже правый, пред тобой
Ныне грешница с мольбой.

Апрель 1845

Перемена

На камнях ручья мне лежать и легко, и
отрадно...

Объятя бегущей волне простираю я жадно,
И страстно мне жаркую грудь лобызает она.
Умчит ее прихоть — тотчас набегают другая,
Всё так же прохладна, всё так же мне сердце
лаская

И вечною мерой душа так блаженно полна.
К чему же безумно, к чему же печально и
тщетно

Часы наслажденья, летящие так незаметно,
Ты мыслью о милой неверной начнешь
отравлять?

О, пусть возвратится, коль можно, пора
золотая:

Целует так сладко, целует так страстно вторая,
Как даже и первая вряд ли могла целовать.

Апрель 1845

Молитва парии

Вечный Брама, боже славы,
Семя ты всему единый,
И лишь ты единый правый...
Неужель одни брамины

Да богатые с раджами
Созданы тобою, боже,
Или звери вместе с нами
Рук твоих создание тоже?
Правда, мы неблагодарны:
Нам худое подобает;
Всё, что смертно для свободных,
То одно нас размножает.
Так судить прилично людям, —
Но не в мнение людское,
А в тебя мы верить будем:
Правых нет перед тобою.
И к тебе мое моление:
Приими меня как сына
И восстань соединенье
В том, что было б нам едино.
Для любви твоей нет меры,
И тебя не тщетно чту я:
В искупленьи баядеры,
Вечный Брама, чуда жду я!

1845

На озере

И пищу свежую, и кровь
Из вольной жизни пью.
Природа-мать! ты вся любовь,
Сосу я грудь твою.

И мерно челн качает мой
То вниз, то вверх волна,
И горы, в облаках главой,
Встречают бег судна.
Что ты поникло, око?
Ты ли снова, сон далекий?
Славный сон, ты лишний здесь...
Здесь любовь, и жизнь здесь есть...
На волнах сверкают
Тысячи звездочек вдруг,
Облака впивают
Даль немую вокруг.
Утренний ветер обвевает
Дремлющий тихо залив.
Озера зыбь отражает
Много зреющих слив.

1850

Лесной царь

Кто мчится так поздно под вихрем ночным?
Это — отец с малюткой своим.
Мальчика он рукой охватил,
Крепко прижал, тепло приютил!
«Что всё личиком жмешься, малютка, ко мне?»
— «Видишь, тятя, лесного царя в стороне?
Лесного царя в венке с бородой?»
— «Дитяtko, это туман седой».

«Ко мне, мой малютка, со мною пойдем,
Мы славные игры с тобой заведем...
Много пестрых цветов в моем царстве растет,
Много платьев золотых моя мать бережет».
— «Тятя, тятя... слышишь — манит,
Слышишь, что тихо мне он сулит?»
— «Полно же, полно — что ты, сынок?
В темных листьях шелестит ветерок».

«Ну же, малютка, не плачь, не сердись.
Мои дочки тебя, чай, давно заждались.
Мои дочки теперь хороводы ведут;
Закачают, запляшут тебя, запоют...»
— «Тятя, тятя, за гущей ветвей
Видишь лесного царя дочерей?»
— «Дитятко, дитятко... вижу я сам,
Старые ивы за лесом вон там».

«Ты мне люб... не расстанусь с твоей красотой;
Хочешь не хочешь, а будешь ты мой...»
— «Родимый, родимый... меня он схватил...
Царь лесной меня больно за шею сдавил...»
Страшно отцу. Он мчится быстрее.
Стонет ребенок, И всё тяжелей...
Доскакал кое-как до дворца своего...
Дитя ж был мертв на руках у него.

Единокого, Лилли, кого ты любить могла,
Хочешь вполне ты себе и по праву...
Твой он вполне и единственно.
Ибо вдали от тебя мне
Жизни быстро стремительной
Всё движение шумное,
Словно легкий флер, сквозь который я
Вижу твой лик из-за облака,
И, приветливо-верный, он светит мне,
Как за радужным блеском сиянья полночного,
Вечные звезды сверкают.

1851

Певец

«Что там за песня на мосту
Подъемном прозвучала?
Хочу я слышать песню ту
Здесь, посредине зала!» —
Король сказал — и паж бежит...
Вернулся; снова говорит
Король: «Введи к нам старца!»
— «Поклон вам, рыцари, и вам,
Красавицы молодые!
Чертог подобен небесам:
В нем звезды золотые

Слилися в яркий полукруг.
Смежитесь, очи: недосуг
Теперь вам восхищаться!»
Певец закрыл свои глаза—
И песнь взнеслась к престолу.
В очах у рыцарей гроза,
Красавиц очи — долу,
Песнь полюбилась королю:
«Тебе в награду я велю
Поднести цепь золотую».
— «Цепь золотая не по мне!
Отдай ее героям,
Которых взоры на войне —
Погибель вражьи́м строям;
Ее ты канцлеру отдай —
И к прочим ношам он пускай
Прибавит золотую!
Я вольной птицею пою,
И звуки мне отрада!
Они за песню за мою
Мне лучшая награда.
Когда ж награда мне нужна,
вели мне лучшего вина
Подать в бокале светлом».

Поднес к устам и выпил он:
«О сладостный напиток!
О, трижды будь благословен
Дом, где во всем избыток!
При счастье вспомните меня,

Благословив творца, как я
Всех вас благословляю».

1852

* * *

Кто со слезами свой хлеб не едал,
Кто никогда от пелен до могилы,
Ночью на ложе своем не рыдал,
Тот вас не знает, силы.
Вы руководите в жизни людей,
Вы предаете их власти страстей,
Вы ж обрекаете их на страданье:
Здесь на земле есть всему воздаянье!

1852

* * *

О, кто одиночества жаждет,
Тот скоро один остается!
Нам всем одинаково в мире живется,
Где каждый — и любит, и страждет.
И мне не расстаться с глубоким,
Изведанным горем моим...
Пусть буду при нем я совсем одиноким,
Но все же не буду одним.
Одна ли подруга? Подходит
Украдкой подслушать влюбленный...

Вот так-то и горе стопой потаенной
Ко мне, одинокому, входит.
И утром, и ночью глубокой
Я вижу и слышу его:
Оно меня разве лишь в гроб одинокой
Положит совсем одного.

1852

Завет

Внутри души своей живущей
Ты центр увидишь вечно сущий,
В котором нет сомнений нам:
Тогда тебе не нужно правил,
Сознания свет тебя наставил
И солнцем стал твоим делам.
Вполне твоими чувства станут,
Не будешь ими ты обманут,
Когда не дремлет разум твой,
И ты с спокойствием свободы
Богатой нивами природы
Любуйся вечной красотой.
Но наслаждайся не беспечно,
Присущ да будет разум вечно,
Где жизни в радость жизнь дана.
Тогда бывшее удержимо,
Грядущее заранее зримо,
Минута с вечностью равна.

* * *

Над высью горной
Тишь.
В листве, уж черной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полет...
О, подожди!.. Мгновенье —
Тишь и тебя... возьмет.

* * *

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

* * *

Нет, только тот, кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

Гляжу я вдаль... нет сил,
Тускнеет око...
Ах, кто меня любил
И знал — далеко!

Вся грудь горит... Кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

Песня миньоны

Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут,
Где в темной листве померанец горит
 золотистый,
Где с неба лазурного негою веет душистой,
Где скромно так мирты, где гордо так лавры
 растут?

Ты край этот знаешь?
Туда бы! туда
С тобою, мой милый, ушла навсегда!

Ты знаешь ли дом? Его кровля на стройных
 столбах,
И зала сияет, и мрамор блестит на стенах,
И статуи рядом стоят и глядят, вопрошая:
«Ах, что с тобой, бедная? что с тобой случилось,
родная?»
Ты дом этот знаешь?
Туда бы! туда

С тобою, родной мой, ушла навсегда!

Ты знаешь ли гору? тропинка за тучи ползет,
И мул среди туманов там, тяжело ступая, идет,
И старые гнезда драконов в ущелье таятся,
И рушатся скалы, и с ревом потоки клубятся.

Ты гору ту знаешь?

Туда бы! туда

Путем тем, отец мой, уйти навсегда!

Обман

Шелохнулась занавеска

У соседки на окне:

Видно, вздумалось плутовке

На окно взглянуть ко мне.

Видно, хочется проведать,

Все ли так же я сердит,

Или ропот мой ревнивый

Приутих — и гнев забыт.

Ах! плутовка спит спокойно

И не грезит обо мне...

То шалун играет ветер

Занавеской на окне.

Песня Клары

Радостных
И тягостных
Дум так много!
Томишься —
И боишься;
И счастье и тревога!
Небесно ликуешь —
И смертно тоскуешь...
Жизнь лишь тогда хороша,
Как полюбит душа!

Могила Анакреона

Где роза юная в тиши благоухает,
Где горделивый лавр и цепкий виноград
Сплелися дружески, где горлица вздыхает
И слышен в зелени приятный крик цикад,
Кого из смертных здесь могила приютила?
Кому надгробный холм так пышно расцветила
Рука богов? — Тут спит Анакреон певец.
Счастливец, и весну он видел молодую,
И лето жаркое, и осень золотую,
И от седой зимы здесь скрылся наконец!

Близость

Часто мы друг другу чужды,
Далеки в толпе людской.
Свет иль шум тому виной —
Право, знать нам мало нужды:
На безлюдье, в тишине
Близость нашу мы почуем,
И знакомым поцелуем
Тотчас скажешься ты мне!

Вечерняя песня охотника

Я крадусь полем, тих и дик;
Взведен курок ружья.
Опять твой светлый, милый лик
В мечтанье вижу я.

Тиха, спокойна, в этот миг
Гуляешь ты в полях.
Мой промелькнувший, бледный лик
Не встал в твоих мечтах.

Тоска и зло сдавили грудь...
Я исходил весь свет:
К востоку путь, на запад путь;
К тебе — дороги нет!

Но о тебе и мысль одна

Мне луч во мгле ночной:
Покоем вновь душа полна...
Не знаю, что со мной!

Новая любовь и новая жизнь

Сердце, сердце! что с тобою?
Что смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иною...
Я тебя не узнаю!
Мимо все, что ты любило,
Мимо, что тебя томило,—
И забота и покой,
Что же сделалось с тобой?

Или этот образ милый
Оковал мечты твои?
Иль в тебе не стало силы
Презреть этот взор любви?
Захочу ли ободриться,
Отвернуться, удалиться —
Мне и шагу не шагнуть,
Снова к ней лежит мой путь.

Нить волшебную напрасно
Я стараюсь оборвать;
Против воли все к прекрасной
Возвращаюся опять —
И, вступая в круг суровый,

Покоряюсь жизни новой.
Как я слаб и молод вновь!
Отпусти меня, любовь!

Сон и дремота

Сон и Дремоту, двух братьев, служенью богов
обреченных,
С неба низвел Прометей роду людскому
служить.
Что было в пору богам, человеку пришлось не
по силам:
Стала Дремота их Сном, Смертию стал нам их
Сон.

Блаженство грусти

Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы вечной любви!
Ах! и едва осушенному оку
Мертв и пустынен кажется мир.
Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы несчастной любви!

* * *

Эта гондола мне кажется тихо качаемой
люлькой;
Ящик же этот на ней — словно вместительный
гроб.
Так-то меж люлькой и гробом качают и носят
нас волны,
И беззаботно мы вдаль по морю жизни плывем.

* * *

Тщетно ты веешь, Морфей, надо мной усыпительным
маком:
Глаз не закрою, пока их не смежит мне Амур.

* * *

Пусть сумасброд, как морского песку, набирает
адептов!
Мне жемчужина ты, мой рассудительный друг!

* * *

Вижу ли я богомольца, от слез не могу
удержаться:
Счастье находим свое в ложном понятии мы!

* * *

Порою мнится мне: на голове моей
Сверкает светлый луч бессмертия и славы,
С груди больной скатился груз скорбей,
И нет в очах горячих слез отравы.
Весь мир передо мной любовью обновлен:
В объятия братские певца он принимает —
И всем священ любви и истины закон,
И правда, как звезда, во всей красе сверкает.

Но этот миг прошел, — и голову мою
Опять, как прежде, жмет певца венец колючий,
И токи горьких слез по-прежнему я лью,
И скорби давят грудь, как пасмурные тучи,
И люди старою дорогою веков,
Не отряхая прах страстей своих отцов,
Как прежде лживые, идут передо мною,
Любви и истины чуждаясь душою...
И голос мой молчит — болезненно молчит!

* * *

Мидас! горька твоя участь была: в деснице
дрожащей
В золото, старец голодный, твоя превращалась
пища.
Часто случается вот что со мною — но это
отрадней:
Все у меня под рукой превращается в легкую

песню...
Нежные музы! я вам не противлюсь; но только,
смотрите!—
Милую в жарких объятьях моих вы не сделайте
сказкой.

Первая потеря

Кто возвратит мне прекрасные дни,
Дни моей первой любви?
Кто возвратит мне хоть час лишь один
Этой поры золотой?

Грусть моей ране зажить не дает;
Сердце назад свое счастье зовет
С новой и новой тоской.

Кто возвратит мне прекрасные дни,
Дни той поры золотой?

Напоминание

Долго ль вдалеке тебе стремиться?
Ведь добро перед тобой.
Лишь умей ты ухватиться,
Счастье вечно под рукой.

Избранный утес

Здесь в одинокой тиши о милой думал
любовник.
Радостно молвил он мне: «Будь мне свидетель,
утес!
Но не гордись чересчур: у тебя соучастников
много.
Каждому камню полей, в счастье питавших
меня,
Каждому дереву леса, где, светел душою,
блуждаю,
Весело я говорю: „Памятью счастья будь!“ —
Голос же только тебе я даю. Так Муза средь
многих
Выберет вдруг одного и поцелует в уста».

Морская тишь

Тишь глубокая над морем,
Недвижимо лоно вод,—
И на гладь морскую смотрит,
Озабочен, мореход.
Хоть одно бы дуновенье
Среди мертвой тишины!
Хоть бы где в дали безбрежной
Показался всплеск волны!

Быстрее, пышнее!
Вас греет,
Как лоно матери,
Прощальный взор солнца;
Вас обвеваает
Плодотворящая ласка
Благого неба;
Вас освежает
Чудной прохладой
Дружественный месяц;
Вас орошают
Из этих глаз
Вечно-живящей любви
Крупные слезы.

Земледельцу

Тонким слоем земля покрывает зерно золотое;
Глубже в ней будут лежать мирные кости твои.
Бодро паши ты и сей! Здесь вырастет пища
живая;
А надежда живет даже у самых могил.

Сладкие заботы

Прочь от меня вы, заботы! Но, смертных, нас
покидают
Наши заботы тогда, как покидает и жизнь.

Если ж иначе нельзя, заботы любви, приходите
И, все иные изгнав, сердце займите мое!

Перед судом

От кого я беременна, вам не скажу:
То заветная тайна моя.
Потаскушкой меня называете вы?
Лжете — честная женщина я.

С кем слюбилась я, этого вам не узнать;
Он хорош и пригож, милый мой,
В чем бы он ни ходил, в золотой ли цепи,
Иль в соломенной шляпе простой

Если надо насмешки сносить и позор,
Их снесу я одна на плечах.
Знает милый меня, знаю милого я,—
И про все знает бог в небесах.

Перестаньте же, честные судьи мои,
Перестаньте меня вы томить!
Ведь дитя это было и будет моим,
И не вам его надо кормить.

Пряха

В тихой горенке своей
Я пряла спокойно;
К прялке парень подошел
Молодой и статный.

Стал хвалить меня, сказал,
Что пряду я чисто
И что косы у меня —
Лен же золотистый.

Да не смирно он стоял,—
Не дал мне покою.
Нитка вдруг оборвалась
Между ним и мною.

Хоть на пряже мне пришлось
Много заработку,
Но не стать хвалиться им
Мне по околотку.

Шла я с пряжею к ткачу,
А сама горела;
Точно сердце у меня
Выскочить хотело.

Надо мыть, белить тканье,
У пруда трудиться;
А к воде едва-едва

Сможешь наклониться.

То, что в горенке тайком
От людей прячется,
Рано ль, поздно ль напоказ
Выносить придется.

Филомела

Видно, Амуром вскормлена, всхолена ты, о
певица!
Бог шаловливый тебя, видно, кормил со стрелы.
Ядом пропитанным горлом поешь ты беспечные
песни
И заражаешь сердца жгучею силой любви.

Свиданье и разлука

Коня! Я долго дожидался —
И конь почуял иглы шпор.
В долине вечер расстилался,
Сползала ночь с далеких гор.
Гигантом грозным восставая,
В туман завертывался вяз,
Где сквозь кустарник тьма ночная
Глядела сотней черных глаз.

Луна мерцала над полями,
Бледнея в дыме облаков;
Чуть вея тихими крылами,
Шушукал ветер. Рой духов
Под тусклым возникал светилом;
Но ясен мне казался путь.
Какой огонь бежал по жилам!
Каким огнем сгорала грудь!

И я с тобой. Ты кротким взглядом
Дарила радость и покой.
Два наши сердца бились рядом,
Дыханьем каждым был я твой.
Весенним розовым мерцаньем
Был милый образ твой одет.
А эта нежность! упованьем
Шептала мне, что счастье есть.

Но солнце уж встает с ночлега,
И сердце сжал разлуки страх.
В твоих устах какая нега!
Какая грусть в твоих очах!
Со мною здесь, тоской томимым,
Ты дни хотела проводить!
О, что за счастье быть любимым!
О, что за счастье любить!

Посещение

Подхожу к дверям моей я милой —
И их крепко запертыми вижу;
Но что в этом: ключ в моём кармане —
И я тихо двери отворяю.

Но, вошедши, не нашел я милой
Ни в знакомой зале, ни в гостиной,
И, лишь в третью комнату вступивши,
Нераздетой я её увидел
Тихим сном уснувшей на диване.

В молодых руках ее вязанье
Мирно, вместе с спицами, лежало.
Я присел к ней — и будить ли, нет ли
Начал думать сном ее любуясь.

Я глядел на светлый облик милой
И не мог довольно наглядеться:
На устах ее царила верность,
На щеках — любовь к родному крову.
А невинность сердца молодого
В глубине груди ее таилась.

Умощён божественным бальзамом,
Каждый член лежал непринуждённо,
А рука, источник ласк волшебных,
Опустясь, покоилась невинно
На коленях с начатой работой.

«О, мой друг!» подумал я: «что, если
От меня скрываемую тайну
Обнаружишь вздохом ты иль словом
И себе, забывшись, изменишь?»

Взор смежон твой — не горит он боле,
Нет огня, сжигавшего мне сердце,
И лишь губки тихо шевелятся,
Вспоминая сладость поцелуев;
Нет движенья в сомкнутых объятьях,
Горячо меня так обнимавших,
И рука, сопутница-шалунья
Чудных ласк, покоится невинно.

Так глядел я на неё — и сердцем
Ликовал, в груди моей стучавшим;
Но она так нравилась мне спящей,
Что её будить я не решился.

Положив два спелых померанца
О две розы пышные на столик,
Я из дому тихо удалился.

И проснётся милая и взглянет —
И увидит пёстрый мой подарок,
И, дивясь, спросит, как попал он
К ней на стол сквозь запертые двери?

Но с зарёй мы с ней сойдёмся снова —
И она вознаградит сторицей

Блуждающий колокол

Ребёнок в церковь не любил
Ходить по воскресеньям
И время службы проводил
В прогулках за селеньем.

«К молитве колокол зовёт»,
Мать шепчет — речь сурова:
«Он за тобою сам придёт.
Когда промедлишь снова.»

А мальчик думает: «висит
Высоко он на башне» —
И, хохоча, уже бежит
К реке, лугам и пашне.

И что же — колокол молчит!
Свершилось предсказанье:
Он снялся с петель и летит,
Как Боже наказанье.

Ребёнок видит и дрожит,
От страха сердце ноет,
И что-то сердцу говорит:

Вот колокол покроет!

Но миг — и мальчик побежал
С такую быстротою,
Что чрез минуту уж стоял
Пред церковью святою.

И с той поры, забыв про луг,
Он в праздник, в воскресенье,
Заслыша звона первый звук,
Уж шел к богослуженью.

1856

Царская молитва

Я царь земли — меня боготворят
Честнейшие, которые мне служат!
Я царь земли — я подданных моих
Люблю, во прах склонённых предо мною!
Не попусти ж, Всевышний, мне моим
Могуществом и счастьем возгордиться!

1878

Купидон

С колчаном и луком
Летит Купидон:
Их видом и звуком
Любуется он.

И факел пылает
В руке у него —
И вокруг освещает
Владенья его.

Под гнётом усилья
Оруже звенит;
Колеблются крылья;
Взор гневом горит.

Все сердцем встречают
Ловца своего —
И страстно ласкают
И нежат его.

А он им стрелами
Своими грозит;
Но миг — и, мольбами
Колеблемый, спит.

Песня Клары

Гремят барабаны
И флейта свистит.
Надеть мой желанный
Свой панцирь спешит.

Высоко вздымает
Копьё своё он —
И ратных ровняет
Под сенью знамён.

Дух рвётся из тела,
А в сердце — эдем.
Когда б я имела
Рейтузы и шлем —

Я б смело ступала
За милым моим
И вражи топтала
Я земли бы с ним.

Враги уж средь поля —
И битва кипит...
Завидная доля
Мужчиною быть!

Лиде

Лиды, кого полюбить одного лишь могло твоё
сердце,
Хочешь присвоить себе ты вполне и по праву!
Но он и так твой вполне, нераздельно и свято!
Милая, знай: мне вдали от тебя всё движенье
Шумное быстро-стремительной жизни
Кажется лёгкой тафтой, сквозь которую я
Вижу твой лик непрестанно — и светит
Мне он, приветливо-верный, как вечные
звезды,
Ярко горящие радужным блеском из мрака.

1877

Саконтала

Что юный год даёт цветам
Их девственный румянец,
Что зрелый год даёт плодам
Их царственный багрянец,
Что нежит взор и веселит,
Как перл в морях цветущий,
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий,
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья
И, словом, небо красоты

В лучах воображенья —
Всё, всё поэзия слила
В тебе одной, Саконтала!

Угрозы

Однажды в рощу я забрёл
За милою во след,
Догнал и обнял, а она —
«Я крикну» мне в ответ.
А я: «пусть сунутся — убью!»
И вновь припал на грудь —
И слышу: «тише, милый мой:
Услышит кто-нибудь!»

Морская тишь

Всё спокойно над волнами,
Без движенья море спит,
И печально мореходец
На равнины вод глядит.

Ветры стихли, замолчали;
Как в могиле — тишина
И на всей обширной дали
Не шелохнется волна.

Выбор

Злые люди много толков
И язвительных речей
О моей подруге милой
Распустили меж людей.

Но чему же я поверю:
Их ли черным клеветам
Или ясным, точно небо,
Голубым ее глазам?

Выбор ясен — прочь сомненье!
Безотчётно верю я,
Как дитя, глазам любезной:
В них видна душа ее.

Новая любовь — новая жизнь

Сердце, сердце, что такое?
Что смутило жизнь твою?
Что-то странное, чужое:
Я тебя не узнаю!
Всё прошло, что ты любило,
Всё, о чём ты так грустило:
Труд и отдых всё прошло —
До чего уже дошло!

Иль тебя цветком росистым

Эта девственность чела,
Взором кротким, нежно чистым,
Своеволью увлекла?
Вдруг хочу от ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь ещё скорей
Вновь, увы, приводит к ней.

И меня на нити тонкой,
Безнаказанно шутя,
Своенравною ручонкой
Держит девочка-дитя:
Красоты волшебной сила
Круг заветный очертила.
Что за странность — как во сне!
О, любовь, дай волю мне!

Не спрашивай

Не спрашивай, не вызывай признанья!
Молчания лежит на мне печать:
Всё высказать — одно моё желанье;
Но втайне я обречена страдать.

Там вечный лёд вершину покрывает,
Здесь на поля легла ночная тень.
С весною вновь источник заиграет,
С зарёю вновь проглянет божий день.

Другим дано в час скорби утешенье,
Указан друг, чтоб сердце облегчить;
Мне ж с клятвой на устах дано терпенье —
И только Бог их может разрешить.

Милой

Блеснёт заря, сверкающей волною
Отражена,
Настанет день — о, милый друг, тобою
Душа полна!
Промчится ль вихрь, шумя в полях травую
И прах клубя,
Иль горы спят, сребримые луною —
Я жду тебя.
Стоит ли тишь, иль бездна тяжело дышит
Морских зыбей —
Твой верный друг знакомый голос слышит
И звук речей.
Смеркается; прозрачной синевою
Ложится мгла;
Взошла звезда — о если б ты со мною
Теперь была!

Моя богиня

Какую бессмертную
Венчать предпочтительно

Пред всеми богинями
Олимпа надзвездного?
Не спорю с питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными строгими;
Но свежей гирляндюю
Венчаю весёлую
Крылатую, милую,
Всегда разнообразную,
Всегда животворную
Любимицу Зевсову
Богиню-Фантазию.
Ей дал он те вымыслы,
Те сны благотворные,
Которыми в области
Олимпа надзвездного,
С амврозией, с нектаром,
Под час утешается
Он в скуке бессмертия;
Лелея с усмешкою
На персях родительских,
Её величает он
Богинею-Радостью.
То в утреннем вейнье,
С лилейною веткою,
Одетая ризою,
Сотканной из нежного
Денницы сияния,
По долу душистому,
По холмам муравчатым,

По облакам утренним
Малиновкой носится,
На ландыш, на лилию,
На цвет-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчёлкою,
Устами пчелиными
Впиваяся в листики,
Пьёт росу медвяную;
То, кудри с небрежностью
По ветру развеявши —
Во взоре уныние,
Тоской отуманена
Глава наклонённая —
Сидит на крутой скале
И смотрит в мечтании
На море пустынное,
И любит прислушивать,
Как волны плескаются,
О камни дробимые;
То внемлет, задумавшись,
Как ветер полуночный
Порой подымается,
Шумит над дубравою,
Качает вершинами
Дерев сеннолиственных:
То в сумраке вечера —
Когда златорогая
Луна из-за облака
Над рощею выглянет

И, сливши дрожащий луч
С вечерними тенями,
Оденет и лес и дол
Туманным сиянием —
Играет с наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравного
И, струек с журчанием
Мешая гармонию
Волшебного шепота,
Наводит задумчивость,
Дремоту и лёгкий сон;
Иль, быстро с зефирами
По дремлющим лилиям,
Гвоздикам узорчатым,
Фиалкам и ландышам
Порхая, питается
Душистым дыханием
Цветов, ожемчуженных
Росинками светлыми;
Иль с сонмами гениев,
Воздушною цепию
Виясь, развиваяся,
В мерцании месяца,
Невидима-видима,
По облакам носится
И, к роще спустившись,
Играет листочками
Осины трепещущей.
Прославим Создателя

Могущего, древнего
Зевеса, пославшего
Нам Радость-Фантазию!
В сей жизни, где радости
Прямые — луч молнии,
Он дал нам в ней счастье,
Всегда неизменное,
Супругу весёлую,
Красой вечно-юную,
И с нею нас цепию
Сопряг нераздельною.
«Да будет», сказал он ей,
«И в счастье, и в горести
Им верная спутница,
Утеха, прибежище!»
Другие творения,
С очами незрящими,
В слепых наслаждениях,
С печалью смутными,
Гнетомые бременем
Нужды непреклонные,
Начавшись, кончаются
В кругу, ограниченном
Чертой настоящего,
Минутною жизнью;
Но мы, отличённые
Зевесовой благостью...
Он дал нам сопутницу,
Игривую, нежную,
Летунию, искусницу

На милые вымыслы,
Причудницу резвую,
Любимую дочь свою
Богиню-Фантазию.
Ласкайте прелестную!
Кажите внимание
Ко всем ее прихотям,
Невинным, младенческим!
Пускай почитается
Над вами владычицей
И дома хозяйкою,
Чтоб вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Рассудку, не вздумалось
Её переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить укорами!
Я знаю сестру ее
Степенную, тихую...
Мой друг утешительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда из очей моих
Луч жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всех добрых дел,
Источник великого,
Нам твёрдость и мужество
И силу дающая,
Надежда отрадная!